

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13622

EDN: CVOPNI

Жанр газели в поэтике Нима Юшиджа

А. А. Кузнецов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: kuznecovaa@my.msu.ru

Аннотация. Статья вводит в научный оборот не рассмотренные ранее в отечественной и зарубежной иранистике газели Нима Юшиджа, которые дали старт развитию этого традиционного жанра на современном этапе. Анализ канонического языка средневековой лирики в интерпретации «отца новой поэзии Ирана» способствует пониманию трансформации авторского самосознания в русле индивидуальной художественной манеры. Образные конвенции и устойчивые мотивы любовной лирики, впитавшие традиционные мистико-аллегорические коннотации, своеобразно преломляются в газелях Нима Юшиджа. Структурно-семиотический взгляд, сопряженный с подходом сравнительно-исторической поэтики, раскрывает природу полисемантизма классических мотивов газели, которые сохранены в стихотворениях Нима Юшиджа. Смысловая многослойность текстовой структуры оказывается для поэта средством, позволяющим иносказательно изложить творческое кредо. В реализации поэтического замысла наряду с нормативными компонентами формального плана (прием хусн ат-тахаллус) используются также и нетипичные для классического канона приемы оформления произведения (рамочный текст). Таким образом, налицо смысловое и формальное единство в корпусе газелей Нима Юшиджа.

Ключевые слова: Нима Юшидж, новая поэзия Ирана, жанр, классическая персидская газель, полисемантизм

Благодарность. Статья написана в рамках НИР ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова (проект «Литературы стран Азии и Африки: история и современность»; № ЦИТИС: 122041300078-8; <https://istina.msu.ru/projects/17222924/?ysclid=lv5cwpypst972576047>).

Для цитирования: Кузнецов А. А. Жанр газели в поэтике Нима Юшиджа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 207–228. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13622. EDN: CVOPNI

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13622

EDN: CVOPNI

Ghazal Genre in Nima Yushij's Poetics

Alexey A. Kuznetsov

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: kuznecovaa@my.msu.ru

Abstract. The article introduces the classical ghazals in the poetry of Nima Yushij (1897–1960) that were previously unexamined in Russian and Western Iranian Studies, and that provided an impetus for the development of this traditional genre in the contemporary Persian literature. Analysis of the canonic language signs of medieval lyrics by the “father of Iranian new poetry’s” sheds light upon the transformation of the author’s self-awareness in line with the original artistic manner. Conventional images and stable motifs of love lyrics, which have absorbed traditional mystical and allegorical connotations, are uniquely refracted in Nima Yushij’s ghazals. The semiotic and structural aspect of research along with the methods of historical poetics reveals the polysemanticism of classical motifs. The multi-stratified text structure turns out to be a tool for the poet to allegorically present his artistic view. In accordance with his intentions, Nima applies both the normative components of the formal plan (e. g., *husn at-taxallus*) and the execution methods that are not typical for the classical canon (frame text). To sum up, semantic and formal wholeness of Nima’s ghazals is observed.

Keywords: Nima Yushij, new poetry in Iran, genre, classic Persian ghazal, polysemantic text structure

Acknowledgments. The article was written as Scientific Research of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (project “Literature of Asian and African countries: between tradition and modernity”, number CITYS: 122041300078-8; <https://istina.msu.ru/projects/17222924/?ysclid=lv5cwwpyst972576047>).

For citation: Kuznetsov A. A. Ghazal Genre in Nima Yushij’s Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 207–228. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13622. EDN: CVOPNI (In Russ.)

Введение

Творчество Нима́ Юши́джа (1897–1960, наст. имя — ‘Али́ Эсфандиари́) является важнейшей вехой в истории литературы Ирана. Его экспериментаторская манера письма породила целое направление, получившее название «новая поэзия» (“*še’r-e now*”). Нима Юшидж, известный авангардистскими устремлениями, свойственными индивидуально-творческому художественному сознанию¹, не отказался от сочинения стихов в классической форме. Мастерство поэта в этой области было отмечено некоторыми иранскими литераторами и учеными (см., например: [Дженнати-Этаи: 5], [Тараби: 21–111], [Тахбаз: 175–179], [Пурнамдариян: 37–38]).

Хотя в корпусе произведений Нима Юшиджа стихотворения в классической форме по количеству значительно уступают иным разновидностям стиха (написанным строфикой или «свободным ‘арузом»²), обозначенная область творчества «отца новой поэзии» не должна быть проигнорирована исследователем, тем более что в отечественной и зарубежной иранистике эта часть наследия Нима Юшиджа (*газели, касыды, рубаи* и др.) не изучалась.

Настоящая статья посвящена рассмотрению художественных особенностей классических *газелей*³, сложенных поэтом-

¹ См. подробнее: [Аверинцев, Андреев, Гаспаров и др.].

² ‘Аруз (араб. ‘аруд) — квантитативная система стихосложения, разработанная изначально в арабской поэзии, а затем заимствованная иранцами для поэзии на классическом персидском языке. Ключевым принципом классического ‘аруза являлись ритмическая равновеликость полустиший (*мисра’*) внутри стихотворной строки (*бейта*). Нима Юшидж положил начало технике так называемого свободного ‘аруза, в котором данный принцип, как и некоторые другие, касающиеся регулярности использования рифмы, нарушается исходя из авторского замысла. Считается, что появление свободного ‘аруза связано с западными веяниями.

³ *Газель* — жанр персидской классической поэзии, генетически связанный с арабской любовной лирикой. Как правило, состоит из 5–12 бейтов. Схема рифмовки изображается на основе *мисра’* и называется монорим: *aa ba ca da...* См. подробнее, напр., на онлайн-портале Большой российской энциклопедии: [Рейснер. Чалисова].

новатором⁴. Анализ этих произведений поэта, с одной стороны, обнаружит преэминентность творчества Нима Юшиджа по отношению к богатому наследию прошлого, с другой — выявит своеобразие его художественных решений в рамках классического жанра, сохраняющего актуальность и поныне. Научная новизна настоящего исследования связана с таким явлением персидской поэзии XX–XXI вв., как посттрадиционная «современная *газель*» (*ğazal-e mo'āser*). Творческий опыт Нима Юшиджа чрезвычайно важен для дальнейшего хода развития данного жанра в современной поэзии Ирана.

В семантическом ядре *газелей* заложен широкий спектр образов и мотивов любовной лирики, переживших в ходе развития газели череду аллегорических переосмыслений [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024а: 10, 35, 42]. Совокупность этих смысловых граней сводится к следующим традиционным мотивам классической *газельной* лирики: плен разлуки; своенравность и жестокость возлюбленной; любовное страдание; жертвенность и преданность влюбленного; непостижимая тайна любви; превратности судьбы влюбленного; обретение счастья любви как пробуждение ото сна. Лексические и образные пересечения создают некое смысловое единство всех пяти текстов, что и дает возможность охарактеризовать их как своеобразный цикл.

«Тяга к клетке»: герой между неволей и свободой

Переживания лирического героя в *газелях* Нима Юшиджа сконцентрированы вокруг ощущения несвободы и безысходности. Таково состояние влюбленного, не находящего отклика в сердце избранницы. Герой сталкивается не столько с физической (пространственно-временной), сколько с эмоциональной дистанцией между собой и объектом страсти. Болезненная одержимость любовью воплощена у Нима Юшиджа прежде

⁴ О новаторстве Нима Юшиджа в поэзии см., напр.: [Кляшторина: 83–106].

всего в классическом образе клетки. Именно лексема «клетка» (“*qafas*”) служит *редифом*⁵ в первой⁶ его *газели*:

«Я настолько взволнован воспоминаниями в плену клетки⁷,
И все, что приходит мне в голову, — это *тяга к клетке*» (869).

Любовное заточение представлено двумя противоположными и в то же время взаимосвязанными эмоциональными порывами: с одной стороны, узник клетки, утративший драгоценную свободу, испытывает тоску из-за давящей со всех сторон тесноты, с другой — поддается опьяняющей эйфории любви:

«От тоски мои губы не могут и шевельнуться —
Сжали меня в объятиях [прутья] тесной клетки. <...>
Сердце мое из-за страданий поселилось там с первого дня,
А сейчас на меня все сильнее сверху давит клетка.
Время долгой *разлуки* никак я не могу измерить,
Ведь я пьян до *иступления* под жестоким *натиском* клетки» (869).

Сходный мотив можно найти в *газелях* Амира Хусрава Дихлави (1253–1325). Приведем характерный пример:

⁵ *Редиф* — прием украшения рифмы в классической персидской поэзии; заключается в том, что за основной рифмой следует повторяющееся слово или группа слов. В данном фрагменте схема рифмовки выглядит так: *dāt-e qafás — kāt-e qafás* — ... и т. д., где как раз слово *qafás* («клетка») и служит *редифом*.

⁶ Номера *газелей* введены автором исследования с целью удобства при ориентировании в текстах. В собрании сочинений Нима Юшиджа *газели* приведены в алфавитном порядке рифм, как это и характерно для классических собраний монорифмических стихов (*диванов*). Общее количество *газелей* в *диване* Нима — пять, и датируются они 1938 г. (Нима Ю. Маджму‘е-е кâмел-е аш‘ар [Полн. собр. стих-й] / под ред. С. Тахбаза. Тегеран: Негах, 1371 (1992). С. 869–871. (На перс. яз.)). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках. Примечательно, что в это же время Нима Юшидж сложил первое стихотворение в русле свободного *‘аруза*. Об этом стихотворении см.: [Кляшторина: 101–104], [Рейснер, Кузнецов].

⁷ Фрагменты оригинальных стихотворений даны в переводе автора статьи, если не указано иное. Выделение курсивом в цитируемых фрагментах здесь и далее также принадлежит автору статьи.

«Как сладостно рыдает от любви Хусрав,
Словно соловей в клетке весенней порой»⁸.

Тоска по возлюбленной, которой томим лирический герой, отражена и в других традиционных мотивах. В третьей газели это состояние описано через традиционные метафоры сгорания в огне и болезни (лихорадки), охвативших страдающее сердце. Примечателен при этом классический образ свечи, в пламени которой в соответствии с классическим канонem сгорает мотылек:

«Не я разжег *огонь*, я болен тобою,
Ты *разжигала* [пламя], благо, что не видишь, как я *пылаю*.
Нет смерти, от которой бы не произошла истинная жизнь,
Свеча смеется над тем, что я *сгораю*» (870).

Чувства героя, сгорающего в огне несчастной любви, противоречивы: он охвачен печалью ночи, но надеется с улыбкой встретить утро. Состояние его описано как болезненный полусон, неотличимый от бессонницы:

«Всю ночь я в *печали* о том, что родит мой день,
Когда день постучится ко мне в дверь, я *сгорю* от *ночной печали*.
Я подобен *утру*, губы не лишены улыбки, однако, словно *ночь*,
Темноту я коплю в *опечаленном сердце*» (870).

Близкое сочетание мотивов можно найти в газели Санаи (ок. 1081–1141):

«Когда в моем сердце любовь к той красавице *разжигает* пламя,
Знаю, к моим *ресницам* она привязывает *жемчужные ожерелья*.
Приходит она во все *ночи разлуки* к моему изголовью и стучит
[в дверь],
Приходит она каждую ночь для того, чтобы *отгонять*
от моих глаз *сон*»⁹.

⁸ Амир Хусрав Дихлави. Диван [Собр. стихотворений] / под ред. И. Салах ад-Дина, предисл. М. Раушан. Тегеран: Негах, 1380 (2001). С. 725. (На перс. яз.)

⁹ Цит. по: [Рейснер, 2019: 7].

«Подруга Нима»: своенравная возлюбленная и преданный влюбленный

«Портрет» возлюбленной складывается из отдельных штрихов, представленных в разных *газелях* Нима.

В первой *газели* классический образ цветущей весны создает эффект нарушенного ожидания. Лирический герой, очарованный пением птички, вероломно завлечен ею в ловушку. Примечательно, что за образом певчей птицы, прилетевшей в сад, скрыта возлюбленная, хотя в классических текстах соловей, стремящийся к прекрасной розе, как правило, обозначает именно влюбленного. У Нима персонажи *газели* оказываются будто бы двумя птицами, одна из которых порхает на свободе, а другая — томится в клетке:

«Пришла весна, расцвел куст розы, [прилетела] птичка в сад,
Зазвенела [ее] страстная трель, а я [попал] в ловушку клетки.
Улетела ты от меня, птичка, и не спросила о том,
Каково мне, если вольное сердце покорилося клетке» (869).

Во второй и пятой *газелях* герой сетует на то, что красота обитательницы цветущего сада обернулась обманом:

«В углу клетки меня опалила тоска: зачем же
Явила свой лик весна, и сад — впереди?» (871).

И в то же время он не в силах оторваться от ее образа, вновь стремится вызвать его в своем воображении:

«Как мне в тоске разлуки вызвать в памяти твое лицо,
Если не любоваться розами, тюльпанами и нарциссами?» (871).

В тех же *газелях* возлюбленная также облечена в каноническую маску луноликой красавицы, похищающей сердце:

«Подруга моей разлуки и та луна, похитившая сердце — впереди,
Израненное тело как поладит с тем миром, что впереди?» (869).

Или:

«Хотя сердце заключило со мной договор и сказало: "Этого
делать не буду",
Не проходит и мгновенья, чтобы в сердце я тебя, серебристую,
не вспоминал» (871).

Во второй *газели* измученному герою приходится молить жестокую возлюбленную о милости, ведь ее благосклонность сулит не только блага, но и сохраняет саму жизнь. Его чувства пытается поколебать соперник (*harif*)¹⁰, однако герой не верит его лукавым словам:

«Поскольку у тебя — жизнь и блага, сжался, о луна,
[Иначе] жизнь и блага не обеспечены [мне] впереди.
Я ушел оттуда, где соперник (*harif*) говорил мне свои слова,
Как прекрасно, что не сомневающаяся [во мне] подруга [ждет]
впереди» (869).

В конце концов подруга оценивает силу любви героя, и тот воссоединяется со своенравной красавицей. Преодолев ее непокорность, влюбленный заново обретает душевную гармонию, хотя она остается при своем мнении. Им овладевает чувство сладостной радости, выраженное в таких строках:

«Вчера она пришла в мои объятия, взгляни, как смиренна,
Хотя и повторяла: "На несчастного не взгляну".
Я сказал: "[Это] от горечи тоски она сказала", но лучше,
Мне не прислушиваться к этим напрасным увещаниям. <...>
Я ей сказал, что память о ее лице сделала мою радость
еще слаще,
Сказала она: "Как мне быть, свою радость мне
не сделать слаще"» (871).

Классический тип возлюбленной, равно как и тип влюбленного, унаследованный от классики, благодаря элементам психологизма обнаруживает тенденцию трансформироваться в литературный характер. Динамический портрет возлюбленной позволяет говорить о своеобразной эволюции этого лирического персонажа внутри цикла. Стоит отметить, что образ благосклонной возлюбленной встречается в классической *газели* довольно редко. Он, как правило, привязан к стандартной лирической ситуации счастливого свидания,

¹⁰ Соперник (*harif*) — устойчивый персонажный образ классической арабской и персидской любовной лирики. Его функция заключалась в нарушении гармонии в отношениях пары идеальных влюбленных. Слово *harif* обладает широким спектром значений, об этом подробнее см.: [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024а: 242; 2024б: 85–86].

знаменующего в суфийской¹¹ интерпретации достижение мистиком спонтанного озарения, что и использует Нима. Она ярко представлена в одной из газелей у Анвари (род. ок. 1115), начинающейся словами «Под вечер явилась *опьяненная* к моим дверям та полная луна...»:

«Хотя у меня и раньше были прекрасные *ночи свиданий*,
Вчерашняя ночь была иного рода. <...>
Никто *не ведает*, что это было за *светило*,
И я *не знаю*, что это была за *звезда*.
Пока на *небосводе утро* не явило свой лик,
Анварь был вровень с *небосводом*»¹².

Любовное страдание побуждает героя к размышлениям о превратностях судьбы, и об этом в третьей и пятой *газелях* с ним ведет беседу возлюбленная. Ее речи загадочны, герою предстоит понять смысл намеков, чтобы обратиться к своей давней сказочной мечте (*afsāne*):

«Ты сказала, *превратностей* не бывает без *тревог* мирских,
Ты намекала на это, что стало для меня *загадкой*. <...>
Небосвод — мельничный жернов, а мы в нем пылинки [муки],
Разве он забудет свой обычай *мучить* и *притеснять*?
Обычай нарушения договора — вот договор, что с нами был
заклучен,
Отчего же мне тогда не обратиться к старой *сказке* (*Afsāne*)¹³?»
(870–871).

¹¹ Суфизм (*tasawwuf*) — течение в исламе, известное также как исламский мистицизм. Суфии стремятся познать единого Бога путем духовных практик, нередко отказываясь из любви к Творцу от соблюдения норм канонического ислама (например, запрет на употребление алкоголя) в пользу чувственного усилия на пути веры. Суфизм был широко распространен на территории средневекового Ирана и оказал особое влияние на развитие его литературы (см. подробнее: Ислам: энцикл. словарь. М.: Наука, 1991. С. 225–231).

¹² Цит. по: [Рейснер, 1989: 117–118].

¹³ Представляется, что *газели* Нима сложены в том же русле, что и его ранние литературные сочинения «Поэма потерянного цвета» (1921) и «Афсане» (1922). Знаменательно, что название второй поэмы упомянуто в данном стихе (*бейте*). В *газельном* цикле жестокая подруга из «Поэмы потерянного цвета» как бы превращается в милостивую спутницу из «Афсане».

«Я сочинил, проснувшись...»: тайна любви

Среди *газелей* Нима Юшиджа выделяется одна, помеченная точной датой (ночь 4 месяца *мордад* 1317 г. / 26 июля 1938 г.). *Газель* примечательна тем, что в ней присутствует нехарактерный для средневековой традиции рамочный текст¹⁴ вокруг первого *бейта*:

«Я сложил во сне:

Года таили *темную беду* на пути к моей *цели*,
Счастье подкралось из-за угла и так удачно угодило
 мне в руки.

Остальное я сочинил, проснувшись:

Птица радости была в *тревоге*, но обрела *покой*,
 Я *утонул* в *страсти* и потерял себя на равнине
восторга» (870).

Зачином данной *газели* служит стандартный мотив счастливого пробуждения. Лирический субъект, пребывавший в тревожном сне, проснувшись, испытывает воодушевление и предчувствует перемену к лучшему. Примечательно, что этот мотив выражен не только лишь внутри двух приведенных *бейтов*, но и вне их, в рамке, что демонстрирует в том числе и тенденцию к преодолению нормативной смысловой замкнутости *бейта*. Добавление рамочного текста к структуре классической *газели* можно считать прямым авторским нововведением. Этот признак выделяет данную *газель*, и потому ее можно воспринять как своего рода «смысловой ключ» к остальным четырем.

Мотив *бейта*, открывающего стихотворение, отчасти перекликается с началом *газели* Мухаммада Шамс ад-Дина Хафиза Ширази (ум. 1389), известной среди иранистов как *газель* «о ниспослании поэтического дара»¹⁵.

¹⁴ Под термином «рамочный текст» подразумевается та часть текста, которая выделена графически и задает параметры восприятия основного содержания (заглавие, подзаголовки, примечания, эпиграфы и т. д.).

¹⁵ Именно на годы жизни Хафиза, признанного корифея, приходится апогей развития персидской классической *газели* (см. об этой *газели* и творчестве Хафиза подробнее: [Рейснер, 1989: 174–206], [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024b: 443–448]).

«Минувшей ночью в пору *рассвета избавление* (*nejāt*)
от скорби мне дали
И — во мраке ночи *живую воду* (*āb-e hayāt*) мне дали!»¹⁶

Текст Хафиза насыщен отсылками к пророческим историям Корана и суфийскому поэтическому дискурсу: *šab-e qadr* «Ночь ниспослания Корана пророку Мухаммеду», *hātef* «глас свыше», *zakāt* «милостыня», *sabr* «терпение»¹⁷, *tajallā* «богоявление» и т. п. Образ же сахарного леденца (*šāx-e nabāt*, букв. «веточка деревца»), которым герой был награжден за стойкость и терпение, трактуется исследователями и как имя его предполагаемой возлюбленной, и как метафора сладости поэтической речи [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024b: 447–448]. В сумме коннотаций Хафиз не только связывает воедино любовь красавицы и совершенство стиха, но и приравнивает поэтическое слово к пророческому откровению:

«Сколь благословенно было то *утро*, и как славна *ночь*,
Та Ночь предопределения (*šab-e qadr*), когда эту новую
расписку (*barāt*)¹⁸ мне дали!

<...>

Если я *счастлив и радостен* — что удивительного,
Я был *нуждающимся* (*mostahaqq*), и все это как *милостыню*
(*zakāt*) мне дали.

Посланец (*hātef*) в тот день принес мне *добрую весть* (*možde*)
об этом счастье,

Ведь для тех *мук и страданий терпенье* (*sabr*) и *стойкость* мне
дали.

Все эти *мед и сахар*, что струятся из моих *речей*, —
Награда *терпению* (*sabr*), за которое ветку *набата* (*šāx-e nabāt*)
мне дали»¹⁹.

Пробудившись вдохновленным, лирический субъект в *газели* Нима готов возвестить миру о своем счастливом прозрении. Он сам — вестник и готов воспеть свое новообетенное знание,

¹⁶ Цит. по: [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024b: 443].

¹⁷ Терпение (*sabr*) — в доктринальном суфизме термин, обозначающий стоянку (*макам тариката*), пути духовного совершенствования мистика.

¹⁸ Подразумевается, что под образом расписки скрыта идея об отпущении грехов всем правоверным верующим в Ночь предопределения (см.: [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024b: 445–446]).

¹⁹ Цит. по: [Пригарина, Чалисова, Русанов, 2024a: 443–444].

как *дервиш*, впавший в транс в ритме звучащих музыкальных инструментов²⁰:

«Я принес благую весть (*тожде*) о прозрачности белого утра,
И теперь одна рука на краю кубка [вина], в другой руке —
бубен» (870).

Мотив приведенного бейта открывает возможность аллегорического толкования мотива вина и винопития как устойчивого классического топоса обретения «вина истинного знания»²¹. Например, у Хафиза сказано:

«Я увидел в прекрасном сне, что в руке моей была пиала,
А в толковании (*ta'bir*) значилось, что дела повернутся к удаче.
Сорок лет я сносил страдания и печали, и, в конце концов,
Средство от них оказалось в руках двухлетнего вина»²².

Стойкость лирического героя в преодолении жизненных тягот кроется в его искренней и чистой любви. Хотя ресницы подруги в *газели* Нима заставляют влюбленного проливать слезы, искреннее чувство духовно преображает его. Слезы превращаются в жемчужины (*dorr*):

«Сель слез, который по ночам я из глаз проливал, —
О радость, — остался, как жемчуг (*dorr*) в раковине (*sadaf*).
Сердце мое не забудет, как в него вонзились ресницы,
Удивленные скажут, что у меня перед глазами рядами
[нанизаны] слезы.

На земле, где даже ангел не рискнул вступить
на извилистую тропу,
Чистота моей [любви] — причина моего достоинства» (870).

²⁰ *Дервиш* — странствующий аскет, исповедующий суфийское течение в исламе. Суфии проводят радения (*сама'*), во время которых могут использоваться разные музыкальные инструменты (бубен *даф*, арфа *чанг*, тростниковая флейта *най*, лютя *'уд*), звучание которых должно погрузить участников ритуала в транс (Ислам: энцикл. словарь. С. 206). В мистической *газели* нередко упоминаются названия музыкальных инструментов. Стоит отметить, что на *чанге* аккомпанировали преимущественно песням-газели, изначально предназначенным для вокального исполнения (см. подробнее: [Рейснер, 2008]). *Най* становится в суфийских ритуалах одним из наиболее часто звучащих инструментов.

²¹ См. подробнее: [Чалисова, 2011]. Нелишним будет вспомнить также «in vino veritas» в стихотворении А. Блока «Незнакомка».

²² Цит. по: [Рейснер, 2019: 12].

В одной из *газелей* Хафиз сравнивает свои стихи с нанизанным на нить жемчугом (*dorr*) и сопоставляет их с небесным ожерельем звезд в Плеядах²³ (*Sorayyā*):

«Ты сочинил *газель* (*ğazal*), ты просверлил *жемчуг* (*dorr*),
приди же и *сладостно* пропой ее, Хафиз,
Чтобы [в ответ] на твои стихи небеса рассыпали
ожерелье Плеяд (*‘aqd-e Sorayyā*)»²⁴.

Потаенная красота оказывается доступна тому, кто созерцает внутренним взором, обретая драгоценность там, где внешне ее не найти:

«С твоей *красотой* (*jamāl*) — черепки кажутся мне *самоцветами*,
А без твоей *красоты* — *самоцветы* кажутся черепками» (870).

Чтобы сберечь чистоту помысла и взгляда, лирический субъект *газели* Нима должен следовать собственному назначению. Иные пути оказываются для него ложными, даже если сулят мирские блага. В своем одиночестве он ни за кем не следует, никому не подражает. В этом контексте упомянуты названия двух исламских правовых школ (*мазхабов*²⁵):

«Рад я тому, что я не пошел из алчности к чьей-то двери,
Ни вослед *шафииту*, ни вослед *ханифиту*. <...>
Я мирянин, если не звучат твои слова,
А когда твои слова звучат, я сторонюсь этого мира» (870).

Насир-и Хусрав (1004–1077), один из ярких представителей *исма‘илитского*²⁶ направления в шиизме, сходным образом обозначил поиски собственного пути к обретению истинной веры. Его герой отправился в странствие и, расспрашивая многих людей, пришел к выводу, что познание возможно не благодаря слепому следованию за кем-либо, а лишь через постижение собственным разумом открываемой Всевышним Истины:

«У перса и у араба, у индийца и у тюрка,
У жителя Синда, китайца, румийца (грека. — А. К.) и иудея,

²³ Плеяды — скопление звезд в созвездии Тельца (старинное русское название — Стожары).

²⁴ Цит. по: [Рейснер, 1989: 183].

²⁵ См. подробнее: Ислам: энцикл. словарь. С. 152.

²⁶ См. подробнее: Там же. С. 110–114.

У философа, манихея, сабея и материалиста
 Я добивался искомого и спрашивал без усталы. <...>
Слепого следования [установлениям] не приемлю, *разумных*
 доводов не скрываю,
Слепым следованием Истину не выявить.
 Если Господь пожелает открыть врата Своей милости,
 Станет трудное легким, непроходимый путь проторенным»²⁷.

Таким образом, четвертая *газель* Нима Юшиджа завершается утверждением верности собственному пути к Истине. Препятствия на нем преодолимы лишь силой Любви. Верная ему в любви единственная возлюбленная дает герою опору в противостоянии недругам. Пафос стихотворения основан на идее превосходства избранного личностью и только для нее предназначенного пути. Индивидуальное восприятие духовных ценностей традиций суфийского мистицизма обретает в лирике Нима Юшиджа очертания неосуфийского дискурса. Смещение акцента в интерпретации мотивов происходит в сторону личностного (а не абстрактно-обобщенного) переживания лирической ситуации:

«Подруга Нима — его [верная] спутница и залог его счастья,
 Что за печаль, если я для недруга стану целью» (870).

«Разгадка» тайны?

В *газелях* Нима четко прослеживается идея возрождения поэта, некогда утратившего вдохновение. Тяготы любовной одержимости, сковывающие душу героя, ассоциируются с муками творчества:

«Поэму о разлуке (*farâqñāte*)²⁸ Нима если омоют водой,
 Никто не сможет из нее стереть имя клетки» (869).

Естественное место обитания птицы — не в клетке, а в цветущем саду. Примечательно название одной из глав сочинения «Весенний сад», составленного 'Абд ар-Рахманом Джами

²⁷ Цит. по: [Рейснер, 2006: 288, 290].

²⁸ Композит *farâqñāte*, обозначающий «поэма о разлуке», может читаться как намек на раннюю, сложенную Нима Юшиджем в духе классики «Поэму потерянного цвета», которую отличает пафос безысходности. См. также примеч. 13.

(1414–1492), — «*Рассказ о птицах, поющих в рифму в саду красноречия, и попугаях, слагающих газели в зарослях сахарного тростника поэзии*». Сравнение поэта с певчей птицей²⁹ является общим местом во многих поэтических традициях.

Клетка, воплощающая идею несвободы, может выступать как образ, передающий ограниченность старой поэтической манеры для выражения индивидуальных переживаний личности. Освобождение из плена и обретение бесконечного пути «вперед» (*редиф* второй *газели*) выражается в том, что поэт свою историю может поведать на любом языке, главное, чтобы она была сложена «в память» о той луноликой возлюбленной — вдохновительнице³⁰:

«У меня в этом *рассказе простора* было мало, а иначе бы
Как у других, была бы у меня *плавная газель* *впереди*.
На этом месте мое сердце вчера ночью *сказало*: "*Нима*,
Не сворачивай с пути, ведь *безграничен он* *впереди*.
На любом языке, на котором *поешь*, *пой* в память о ней,
Тебя узнает [среди других] та ласковая *луна*, что [ждет]
впереди"» (869).

В этих стихах очевидна прямая отсылка к жалобе Низами Гянджеви (1141/1147–1208) в поэме «Лайли и Маджнун»:

«Когда *тесен* двор повести, *речь* начинает хромать, топчась
на месте»³¹.

Мотив сновидения в *газелях* Нима интерпретируется двояко. Тяжелый сон, сковывающий героя сомнениями, с одной стороны, аналогичен клетке. Мотив может ассоциироваться с потерянностью поэта, с его слепым следованием канону:

«Прошла жизнь *Нима*, а ты, увы, [пребываешь] *во сне*
И в мыслях о том, что *делать* и чего *не делать*» (871).

²⁹ Стоит отметить, что образы птиц весьма частотны в лирике Нима Юшиджа, что отражается в названиях ряда стихотворений: упомянутый «Феникс», «Господин Скворец», «Птица утра», «Старая сова» и др.

³⁰ Данный образ отсылает к лирической ситуации, распространенной в классической поэзии (см. подробнее: [Чалисова, 2013]).

³¹ Низами Г. Лайли и Маджнун / пер. с перс., введен. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М.: РГУ, 2008. С. 138. (Сер.: *Orientalia et classica*: Труды Института восточных культур и античности; вып. XIII: Восток и античность в классических текстах.)

С другой же стороны, сон может подразумевать мистическое состояние, в котором поэту открывается Истина — разгадка тайны слова. Ночное свидание с возлюбленной или явление ее образа во сне в классической *газели* служило предзнаменованием духовного прозрения. В этом контексте сон характеризуется эпитетами «сладкий», «счастливым», «несущий» (благую весть). В газели Джами сказано:

«Вчера глаза мои пребывали во сне, а счастье бодрствовало,
Ночь, всю *ночь* задушевым другом моей души был образ
(*xiyuāl*) любимой. <...>

Наслаждение от *сладости* ее речи осталось в душе,
Боже, боже, что это были за *сладкоречивые* уста! <...>
Да будет для вас дозволен *сладкий сон*, о глаза, ведь Джами
во сне

Видел нынче *ночью* то, ради чего *бодрствовала* жизнь»³².

Очевидно, что свидание с возлюбленной синонимично посещению поэта музыой³³. В *газелях* Нима, как и в газелях Хафиза и Джами, момент пробуждения от счастливого сна выступает знаком внутренней метаморфозы. Обретение вдохновения свыше оправдывает те художественные решения, которые Нима Юшидж осознает в качестве единственно пригодных для выражения собственного «Я». Сердце поэта, преисполненное вдохновения, уже не печалится о нарушенных обетах, оно готово к открытиям:

«Никого навсегда к определенному месту не привяжут,
Правдива та *речь*, которую я постигаю.
Не раскрывай эту *тайну*, *Нима*, о делах добра и зла,
Чтобы мне с воодушевлением взять нитку и [начать] вышивать.
Хранители тайны *хитрят*, скрывая прошлое и будущее,
Чтобы не увидели [другие], как говорит мой день:
"Неплохое начало"» (870).

Важную роль играет и традиционное включение имени поэта («*Нима*») в заключительных *бейтах газелей* (фигура *хусн*

³² Цит. по: [Рейснер, 2019: 16].

³³ Традиция подобной интерпретации лирической ситуации восходит к древнему мифологическому представлению о ниспослании дара слова (см.: [Гринцер: 8–12], [Жирмунский: 397–407]).

ат-тахаллус)³⁴, благодаря чему смысл стихов может преломляться сквозь призму творческой биографии сочинителя. Представляется, что в цикле газелей Нима Юшиджа можно наблюдать первый шаг к становлению автопсихологического типа лирического субъекта³⁵, что еще ярче проявилось в его произведениях того же периода, созданных свободным *‘арузом*.

Заключение

Концептуальная структура классической лирики богато представлена в *газелях* Нима Юшиджа, новатора и основоположника иранского свободного стиха. Семантика изобразительных знаков (образов) персидской классической *газели* не утратила своей многоплановости и в творчестве автора XX в. Он создает текст, смысл которого расслаивается на несколько уровней толкования.

На определенном этапе истории персидской поэзии, начиная с XI–XII вв., в художественном концепте Любви соединились три различных денотата: 1) страсть к возлюбленной (*yār* «подруга»); 2) религиозное озарение и стремление к Божественной истине; 3) обретение поэтического вдохновения. Такого рода аллегорическое содержание («означаемое») еще в классическую эпоху было закодировано образными знаками любовной *газели*. В *газелях* Нима Юшиджа все три уровня толкования согласуются друг с другом, и потому тексты могут быть интерпретированы тремя указанными способами. Полисемантизм органически присущ языку классической *газели*.

Поэт, разработавший авангардистскую манеру в иранской поэзии, воспользовался классическим языком в качестве инструмента авторской рефлексии³⁶ с целью обоснования новой художественной стратегии. *Газели* Нима, будучи особого рода «манифестом», могут служить подтверждением того, что его обновленческий потенциал неразрывно связан с предшествующей поэтической традицией и что появление авангардистской художественной стратегии является закономерным этапом ее внутреннего развития. Самобытность

³⁴ См. подробнее: [Рейснер, 2021].

³⁵ См. подробнее о типах лирических субъектов: [Исакова: 101–145].

³⁶ В классике см.: [Рейснер, 2004].

иранского культурного кода органично вписывается в разработанные поэтом-новатором рамки свободного *'аруза*, хотя отчасти и навеянного знакомством автора с достижениями поэзии европейского модернизма. В осмысленной адаптации чужого художественного опыта кроется успешное преодоление иранской поэзией герметизма по отношению к иным литературным мирам современности. Все эти черты свойственны индивидуально-творческому типу художественного сознания³⁷.

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Гринцер П. А. Становление литературной теории. М.: РГГУ, 1996. 51 с.
3. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин, Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1979. 493 с.
4. Исакова И. Н. Литературный персонаж как система номинаций. М.: МАКС Пресс, 2011. 519 с.
5. Кляшторина В. Б. «Новая поэзия» в Иране / отв. ред. Х. Г. Короглы. М.: Наука, 1975. 255 с.
6. Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Газели Хафиза: тексты, переводы, комментарии: в 2 ч. / под науч. ред. Е. Л. Никитенко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. Ч. 1. 480 с. (a)
7. Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Газели Хафиза: тексты, переводы, комментарии: в 2 ч. / под науч. ред. Е. Л. Никитенко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. Ч. 2. 586 с. (b)
8. Рейснер М. Л. Эволюция классической газели на фарси (X–XIV вв.) / отв. ред. В. Б. Никитина. М.: Наука, 1989. 224 с.
9. Рейснер М. Л. Мотивы авторского самосознания в персидской газели XI — начала XVIII века // Памятники литературной мысли Востока / отв. ред. П. А. Гринцер, Н. И. Никулин. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 250–334.
10. Рейснер М. Л. Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII века: генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006. 424 с. EDN: XYXOPB
11. Рейснер М. Л. Персидская классическая газель как музыкальный жанр: исполнительская практика в зеркале поэзии // *Donum Paulum. Studia*

³⁷ См. подробнее: [Аверинцев, Андреев, Гаспаров и др.].

- Poetica et Orientalia: к 80-летию П. А. Гринцера. М.: Наука, 2008. С. 173–191. EDN: YXSYYP
12. Рейснер М. Л. Сон и бессонница в тематическом лексиконе персидской классической газели (XII–XV вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2019. № 2. С. 4–19 [Электронный ресурс]. URL: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2019-2.pdf> (20.01.2024). EDN: KWTQFK
 13. Рейснер М. Л. Эволюция поэтических фигур «красота перехода» и «красота концовки» в каноне персидской газели (XI–XV вв.): соотношение теории и практики // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика: тезисы докладов науч. конф. (Москва, 20–29 апреля 2021 г.). М.: Изд-во Москов. ун-та, 2021. С. 70–72. EDN: YFVKUV
 14. Рейснер М. Л., Кузнецов А. А. Генезис образа Феникса в персидской поэзии и его интерпретация в одноименном стихотворении Нима Юшиджа (1897–1960) // Ориенталистика. 2022. Т. 5. № 2. С. 366–386 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orientalistica.su/jour/articles/2858/215562> (20.01.2024). DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-2-366-386
 15. Рейснер М. Л., Чалисова Н. Ю. Газель // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/gazel-poeziia-9c4dec> (20.01.2024).
 16. Чалисова Н. Ю. «Вино — великий лекарь»: к истории персидского поэтического топоса // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 2 (63). С. 126–157 [Электронный ресурс]. URL: https://rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Vostokovedenie/№%202_2011.pdf#page=126 (20.01.2024). EDN: NTZZJX
 17. Чалисова Н. Ю. «Друг, приносящий вдохновенье» в персидской поэтической рефлексии // Institutionis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову. М.: РГГУ, 2013. С. 347–373. EDN: RXWDMR (Сер.: Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности; вып. 50.)
 18. Дженнати-Этаи А. Нимā: зендегāни ва āsār-e y [Нима: его жизнь и сочинения]. Тегеран: Сафи ‘Алишах, 1334 (1955). 203 с. (На перс. яз.)
 19. Пурнамдариян Т. «Хāне-ам абри-ст»: ше’р-е Нимā аз соннат tā таджаддо [«Мой дом — облачный»: поэзия Нима Юшиджа от традиции к обновлению]. Тегеран: Соруш, 1377 (1998). 401 с. (На перс. яз.)
 20. Тараби З. Нимāи-йе дигар: негāх-е тāзе бе ше’рхā-е Нимā Юшидж [Другое «в стиле Нима»: новый взгляд на поэзию Нима Юшиджа]. Тегеран: Мина, 1375 (1996). 256 с. (На перс. яз.)
 21. Тахбаз С. Камāндār-е бозорг-е кухсārāн: зендеги ва ше’р-е Нимā Юшидж [«Великий лучник из гор: жизнь и поэзия Нима Юшиджа»]. Тегеран: Салес, 1379 (2000). 645 с. (На перс. яз.)

References

1. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhaylov A. V. Categories of Poetics in the Change of Literary Epochs. In: *Istoricheskaya poetika: literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: sbornik statey* [Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness: Collected Articles]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
2. Grintser P. A. *Stanovlenie literaturnoy teorii* [The Formation of Literary Theory]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1996. 51 p. (In Russ.)
3. Zhirmunskiy V. M. *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [Comparative Literary Studies: East and West]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 493 p. (In Russ.)
4. Isakova I. N. *Literaturnyy personazh kak sistema nominatsiy* [Literary Personage as a System of Nominations]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011. 519 p. (In Russ.)
5. Klyashtorina V. B. “Novaya poeziya” v Irane [“New Poetry” in Iran]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 255 p. (In Russ.)
6. Prigarina N. I., Chalisova N. Yu., Rusanov M. A. *Gazeli Khafiza: teksty, perevody, kommentarii: v 2 chastyakh* [Hafiz's Ghazals: Texts, Translations, Comments: in 2 Parts]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2024, part 1. 480 p. (In Russ.) (a)
7. Prigarina N. I., Chalisova N. Yu., Rusanov M. A. *Gazeli Khafiza: teksty, perevody, kommentarii: v 2 chastyakh* [Hafiz's Ghazals: Texts, Translations, Comments: in 2 Parts]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2024, part 2. 586 p. (In Russ.) (b)
8. Reysner M. L. *Evolyutsiya klassicheskoy gazeli na farsi (X–XIV vv.)* [Evolution of the Classical Ghazal in Farsi (10–14 Centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 224 p. (In Russ.)
9. Reysner M. L. Motifs of Author's Self-Consciousness in Persian Ghazal of the 11th — Early 18th Century. In: *Pamyatniki literaturnoy mysli Vostoka* [Monuments of Literary Thought of the East]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 250–334. (In Russ.)
10. Reysner M. L. *Persidskaya liroepicheskaya poeziya X — nachala XIII veka: genezis i evolyutsiya klassicheskoy kasydy* [Persian Lyrico-Epic Poetry of the 10th — Early 13th Century: Genesis and Evolution of Classical Qasida]. Moscow, Natalis Publ., 2006. 424 p. EDN: XYXOPB (In Russ.)
11. Reysner M. L. Persian Classical Ghazal as a Musical Genre: Performance Practice in the Mirror of Poetry. In: *Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia: k 80-letiyu P. A. Grintsera* [Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia: to the 80th Anniversary of P. A. Grintser]. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 173–191. EDN: YXSYYP (In Russ.)
12. Reysner M. L. Dream and Sleeplessness in the Thematic Lexicon of Classic Persian Ghazal (12–15 Centuries). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*.

- Seria 13: Vostokovedenie* [Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies], 2019, no. 2, pp. 4–19. Available at: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2019-2.pdf> (accessed on January 20, 2024). EDN: KWTQFK (In Russ.)
13. Reysner M. L. Evolution of Poetic Figures “Beauty of Transition” and “Beauty of Ending” in the Canon of Persian Ghazal (11–15 Centuries): Correlation of Theory and Practice. In: *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (Moskva, 20–29 aprelya 2021 g.)* [Lomonosov Readings. Oriental Studies and African Studies: Theses of Reports of the Scientific Conference (Moscow, April 20–29, 2021)]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2021, pp. 70–72. EDN: YFVKUV (In Russ.)
 14. Reysner M. L., Kuznetsov A. A. The Genesis of the Phoenix Image in Persian Poetry and Its Interpretation in a Poem of the Same Name by Nima Yushij (1897–1960). In: *Orientalistika* [Orientalistica], 2022, vol. 5, no. 2, pp. 366–386. Available at: <https://www.orientalistica.su/jour/articles/2858/215562> (accessed on January 20, 2024). DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-2-366-386 (In Russ.)
 15. Reysner M. L., Chalisova N. Yu. Ghazal. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Big Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/gazel-poeziia-9c4dec> (accessed on January 20, 2024) (In Russ.)
 16. Chalisova N. Yu. “Wine Is a Great Healer”: a Persian Poetical Topos in Retrospection. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2011, no. 2 (63), pp. 126–157. Available at: https://rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Vostokovedenie/N%202_2011.pdf#page=126 (accessed on January 20, 2024). EDN: NTZZJX (In Russ.)
 17. Chalisova N. Yu. “Friend Bringing Inspiration” in Persian Poetic Reflection. In: *Institutionis Conditori: Il'e Sergeevichu Smirnovu* [Institutionis Conditori: Essays in Honour of Ilya Smirnov]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 347–373. EDN: RXWDMR. (Ser.: Orientalia et Classica: Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity; Issue 50.) (In Russ.)
 18. Jennati-Etai A. *Nimā: zendegāni va āsār-e u* [Nima: His Life and Works]. Tehran, Safi 'Alishah Publ., 1334 (1955). 203 p. (In Persian)
 19. Purnamdariyan T. “*Xāne-am abri-st*”: *še'r-e Nimā az sonnat tā tajaddod* [“My Home Is Cloudy”: the Poetry of Nima Yushij from Tradition to Renewal]. Tehran, Soroush Publ., 1377 (1998). 401 p. (In Persian)
 20. Tarabi Z. *Nimāi-ye digar: negāh-e tāze be še'r-hā-ye Nimā Yushij* [The Other “in the Style of Nima”: a New Look at the Poetry of Nima Yushij]. Tehran, Mina Publ., 1375 (1996). 256 p. (In Persian)
 21. Tahbaz S. *Kamāndār-e bozorg-e kuhsārān: zendegi va še'r-e Nimā Yushij* [“The Great Archer from the Mountains: the Life and Poetry of Nima Yushij”]. Tehran, Sales Publ., 1379 (2000). 645 p. (In Persian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Алексей Анатольевич, *Alexey A. Kuznetsov*, PhD Student, аспирант, переводчик, старший преподаватель кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, 11, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-3646>; e-mail: kuznecovaa@my.msu.ru.

Translator, Senior Lecturer of the Department on Iranian Philology of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 11/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-3646>; e-mail: kuznecovaa@my.msu.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024

Дата публикации / Date of publication 13.05.2024